

8
0
МЕТРОНОМ

КУРАНТЫ

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Куранты.-
1996.-25
июль.-с.8

Петр МАМОНОВ:

"СЕКС ДЛЯ МЕНЯ КАК КОНСЕРВНЫЙ НОЖ"

Петр МАМОНОВ: "Конечно, удобнее считать меня пьяницей, который бросил пить и стал немного поучше, а когда пил, то был вообще безумный. А если бы его еще в клетку да с голой задницей, мы бы смотрели — во был бы класс!"

Несколько лет Мамонов не пьет — во всяком случае, не так, как раньше. Кто знает, что тому причиной стало — быть может, работа в Театре им. Станиславского (где, кстати, лишь два спектакля и идут с неизменным аншлагом — "Лысый брюнет" и "Полковнику никто не пишет" — оба с участием Мамонова), быть может, возраст и семья... Впрочем, когда и кому это мешало?

А раньше? Нескончаемые попойки, дикие драки, шокирующие чудачества. Выпускник английской спецшколы, автор достойных переводов с норвежского стихов Китса и Ибсена — это все о нем. В 84-м — первый концерт "Звуков Му", этот более чем странный тип на сцене (дегенерат? юридивый?) в скандальном по тем временам пиджамообразном костюме. Вот он кричит что-то про серого голубя, про муху — источник заразы. Все это под типичный для "русского рока" той поры скрежет, который было принято называть музыкой.

МАМОНОВ: "Я так чувст-

вовал себя в том, что меня окружало. Ведь мы все очень нежные люди в глубине своей. Гораздо легче постараться или пиджаком красивым, или четкой речью — легче, чем сказать: мол, вот он я какой, на меня, на этот маленький, нежный комочек, вы все накидываетесь, вот что вы делаете со мной. Так вот вам и результат! Но этот образ уходит, потому что пришло время созидания, время такого здорового и искреннего веселья. Нет, я, конечно, не могу измениться резко, хотя это было бы здорово! Больше интересуют какие-то мажорные аккорды. Пятый десяток идет, сколько уж можно: боль, страдание, печаль. Секс. Люди это ищут в моих песнях, но для меня все эти штуки — только какие-то консервные ножи, которыми можно вскрыть у слушателя черепушку, чтобы он встрепенулся".

Когда слух для артиста на сцене еще имел какое-то значение, его среди прочего обвиняли и в отсутствии слуха. Хотя по тем временам это был бы один из самых мелких его грехов ("русский рок" был явлением скорее текстовым, чем музыкальным, "муху — источник заразы" — разве такое можно было стерпеть?..).

МАМОНОВ: "Что мы понимаем под слухом? Есть слух музыкальный, когда надо угадать определенную ноту. Но это не особенное достижение. Есть слух — это когда слышишь все. Как ветка растет — и то слышишь. И это жуткая жизнь. Вот у меня в Чертанове под окном орут: "Витек! Ты че мне тут так-перетак!.." Гадость мне прямо в ухо — треньсь! А для меня это взрыв, потому что я открыт. Но я же не могу заглушку поставить! За этим идет вдруг какой-то шорох ветра: шшшш..."

Быть может, из-за этого состояния, которое он величает "открытость" и "нежность", нигде он долго не уживался и даже был выгнан из Полиграфического института за неуспеваемость.

МАМОНОВ: "С третьего курса я стал откровенно плохо учиться. Потому что в ущерб учебникам жил. И хотя меня очень любили, я был изгнан. Это, конечно, тоже ограниченность моя, и сейчас я очень жалею, что совершенно не знаю древнюю историю. Ой, все это ущербы, ущербы... Понимаете, сплошь и рядом все наше искусство складывается не из улавливания импульсов и пропускания их через личность, вкус и работу, а

из какого-то преодоления ущербов в людях! (Любопытно, свойственна ли слушателям и зрителям его хоть малая толика подобных рассуждений? Вопрос, впрочем, риторический. — Авт.) Я очень много работал во всяких таких страшных непотребных конторах. Меня оттуда вытаскивали, я никак не приживался. Меня считали лентяем, хотя сейчас я работаю днем и ночью. Я счастлив тем, что у меня есть что-то. Не ради чего жить, не в этом дело. Теперь я научился впадать в те состояния, которые люблю, без эрзацев: без водки и без наркотиков. Это высший кайф!.. Вот у Сальвадора Дали было 10 заповедей художника. У меня такого нет, конечно, я стараюсь все для себя как-то определять заново. В первую очередь у Дали было то, что он "торчал" от себя. Вот это да, я от себя торчу. Конечно, а как же! Меня спрашивают: мол, какую вы музыку больше всего любите? Я всегда говорю, что в первую очередь своею! Ведь не кто-нибудь, а я ее сделал. Я сам сделал то, что нравится мне..."

Мамоновские мысли
подслушивал
Дмитрий УРЮПИН.
Фото Ильи БЕЛЯЕВА.